

Сергей Доценко (Таллин)
Случайная ошибка или подлог?
Об одном казусе в мемуарном очерке М. Пришвина

В своем автобиографическом очерке («Мой очерк: биографический анализ», 1933) М. Пришвин вспоминал:

«Писатель Ремизов в свое время тоже имел революционную прививку и дружил с Каляевым. Ремизов не был легкомысленным дезертиром в искусстве. Каляев продолжал к нему относиться с тем же самым уважением, когда он стал писать свои утонченнейшие, изящные словеса. Однажды, близко к своему концу, Каляев случайно встретился на вокзале с Ремизовым, улыбнулся ему приветливо и так наивно-простодушно спросил на ходу: “Неужели все о своих букашках пишешь?”»¹

Этот рассказ воспроизводит затем в своих мемуарах о Ремизове Вл. Смиренский,² а также (дословно, со ссылкой на М. Пришвина) И. Эренбург в своей мемуарной книге «Люди, годы, жизнь».³ Что показательно — все три мемуариста лично знали А. Ремизова, хотя и в разные года (Пришвин — в 1907—1921 гг., Смиренский — в 1919—1921 гг., Эренбург — с 1922 г.). Разумеется, в данном случае важна степень осведомленности мемуаристов. Тот же Эренбург цитирует в своих мемуарах эмигрантские книги Ремизова «Подстриженными глазами» (1951) и «Огонь вещей» (1954). Почти наверняка читал Эренбург и книгу Ремизова «Кукха. Розановы письма» (1923). Именно в книге «Кукха» сам Ремизов приводит иную версию «встречи на вокзале»:

© Sergei Dotsenko, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Пришвин М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 3. С. 9. Впервые: Литературная газета. 1933. 11 апр. № 17.

² См.: Смиренский В. Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е. Обатиной // Лица: Биографический альманах. СПб., 1996. Вып. 7. С. 170—171.

³ Эренбург И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 437.

«Я писал после “Пруда” и “Часов” — “Посолонь”. Раз встречаю на Николаевском вокзале Леонида Семенова, он в то время из эсеров толстовцем сделался.

— Ну что, — говорит — вы все еще козявками занимаетесь? — и посмотрел на меня с жалостью».⁴

Как мы видим, при сходстве основной канвы (случайная встреча с писателем на вокзале, вопрос о «букашках» / «козявках») — разнятся встреченные Ремизовым лица. В версии Пришвина фигурирует революционер (эсер) Иван Каляев, а в версии Ремизова — революционер (тоже эсер, пусть и бывший) Леонид Семенов. Какая же версия истинная?

Прежде всего — о хронологии. И. Каляев совершил покушение на московского генерал-губернатора вел. князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г., сразу же был схвачен на месте и арестован. После следствия и суда был казнен в Шлиссельбургской крепости 10 мая 1905 г. Ремизов же приехал в Москву из Киева 26 января 1905 г., а 31 января 1905 г. (в 5. 30 вечера) уехал в Петербург.⁵ Встреча с Каляевым могла произойти (теоретически) именно в этот промежуток времени — с 26 января по 31 января 1905 г. Но никаких упоминаний об этой встрече у Ремизова нет, что представляется совершенно невозможным: в письмах жене (от 24/25 и 25/26 апреля 1905 г.) Ремизов 2 раза упоминал уже арестованного Каляева, встречался тогда же с вологодским знакомым, присяжным поверенным В. А. Ждановым, который был защитником на судебном процессе по делу И. Каляева и который рассказывал Ремизову о Каляеве, находившемся в Петропавловской крепости.⁶ В частности, в письме от 25/26 апреля 1905 г. Ремизов писал: «Все думаю о Ив. П. [Каляеве]. Из головы он у меня не выходит».⁷ Если бы состоялась случайная встреча Ремизова с Каляевым в Москве (с которым они не виделись с 1903 г.,

⁴ Ремизов А. Кукха: Розановы письма. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. С. 47.

⁵ Как следует из письма Ремизова от 30-31 января 1905 г. (см.: На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и коммент. А. д`Амелия // Europa Orientalis. 1987. VI. С. 281).

⁶ На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и коммент. А. д`Амелия // Europa Orientalis. 1990. IX. С. 456, 458.

⁷ Там же. С. 458.

когда Ремизов уехал из Вологды⁸), то Ремизов наверняка бы о ней упомянул. Но такой встречи просто не было. Поэтому очевидно, что встреча произошла с Л. Семеновым, скорее всего — не ранее 1906 г. Именно в 1906 г. Ремизов писал «о букашках», т. е. сказки для своей книги «Посолонь» (книга вышла в 1907 г.). Именно в конце 1906 — начале 1907 г. Л. Семенов отошел от революционной деятельности, «опростился» и стал «толстовцем».⁹ Все это хорошо согласуется с версией Ремизова, изложенной в книге «Кукха». Есть еще один аргумент в пользу Л. Семенова. В 1948 г., после смерти жены С. П. Ремизовой-Довгелло, Ремизов переписал свои письма к ней периода 1902—1905 гг. При переписывании Ремизов давал комментарий к некоторым письмам. В письме от 26/27 апреля 1905 г. он писал: «Был Леонид Семенов. Олень. И какая рогатая гордость!»¹⁰ К этому письму Ремизов сделал такое примечание:

«Потом он опростился, как-то с Добролюбовым, и толстовцем был, прошло пять лет, встретились: олень, а рогов нет, и не я, теперь он посмотрел на меня, и я прочитал в его запалых глазах сожаление: “А вы все со зверушками возитесь!”»¹¹

Как и ранее в книге «Кукха», вопрос о «козьяках» («зверушках»), т. е. о мизерности своих тем и образов, Ремизов приписывает Л. Семенову, а не И. Каляеву. Очевидно, что версия М. Пришвина (подхваченная и повторенная другими мемуаристами) — ошибочна: Ремизов встретился на вокзале именно с Л. Семеновым.

На этом историк литературы обычно ставит точку: ведь подлинная картина события (его время, участники, обстоятель-

⁸ По признанию самого Ремизова, в Вологде особые дружеские отношения у него сложились именно с И. Каляевым (см.: *Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е. Обатниной // Лица: Биографический альманах. СПб., 1996. Вып. 7. С. 181).

⁹ См.: *Семенов Л. Д.* Записки // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. 1977. Вып. 414. С. 144—145; *Баевский В. С.* Судьба Леонида Семенова // Тезисы докладов научной конференции «А. Блок и русский постсимволизм», 22-24 марта 1991 г. Тарту, 1991. С. 72-73. Кто дошел до Оптинских врат: (Неизвестные материалы о Л. Семенове) / Публ. и вступ. заметка В. С. Баевского // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 1. С. 49—59.

¹⁰ На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и коммент. А. д`Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. IX. С. 459.

¹¹ Там же. С. 459.

ства) восстановлена.¹² Иногда, правда, оговаривается причина ошибочной версии, но — обычно вскользь, мимоходом.¹³ Однако причина ошибки иногда бывает далеко не случайной.

Как и почему у Пришвина произошла подмена: вместо Л. Семенова вдруг появился И. Каляев? Идет ли речь о банальной ошибке памяти мемуариста, или это — результат сознательной подмены?

Для начала заметим, что первоисточником этой истории мог быть только сам Ремизов. Пришвин мог узнать об этом эпизоде либо из уст самого Ремизова, либо — из книги последнего «Кукха». Если допустить, что Пришвину была знакома подлинная ремизовская версия «встречи на вокзале», то есть основания подозревать, что эта подмена была им сделана не случайно (по ошибке), а намеренно.

Дело в том, что к концу 20-х—началу 30-х годов положение Пришвина в советской литературе было не столь уж благополучным. Пришвин имел репутацию писателя-«попутчика», для которого мир природы якобы важнее и интереснее мира социального. Что вызывало понятные и резкие нападки вульгарно-социологической рапповской критики. Например, критик А. Ефремин в статье «Михаил Пришвин» (1930) писал:

«<...> Материалы о нюансах собачьих переживаний, записи о том, насколько синички хитры..., страницы об интимных переживаниях сук и кобелей..., — все это нам во всяком случае не требуется в дозах, отпускаемых художественным пером М. М. Пришвина».¹⁴ «Пришвин не верит в конечные цели революции, он их не видит, ему недоступно представление о мощи класса-строителя пролетариата».¹⁵ Пришвина обвиняют в бегстве от классовой

¹² См. также: Доценко С. Встреча на вокзале: Из комментария к «Кукхе» А. Ремизова // Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции 30. III.—2. IV. 1992. Таллин, 1994. С. 82—85.

¹³ Е. Обатнина, комментируя воспоминания В. Смиренского, полагает, что подмену имен (Каляев/Семенов) «можно объяснить либо ошибкой памяти Пришвина, либо умыслом Ремизова» (Смиренский В. Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е. Обатниной // Лица: Биографический альманах. СПб., 1996. Вып. 7. С. 181—182). Однако весомых аргументов, подтверждающих «умысел Ремизова», не приводит.

¹⁴ Ефремин А. Михаил Пришвин // Красная Новь. 1930. № 9—10. С. 221.

¹⁵ Там же. С. 223.

борьбы, в идеализации старины, в эпигонстве по отношению к символизму.¹⁶

Как реакция на эти обвинения — запись Пришвина в дневнике от 5 сентября 1930 г.: «Хлебнул чувство своей ненужности и в “Новом мире”, и вообще в мире современной литературы: видимо, все идет против меня и моего “биологизма”. Надо временно отступить в детскую, вообще в спец. Литературу <...>»¹⁷

Даже в очень благожелательной статье Е. Тагер в «Литературной энциклопедии» (1935) звучит пусть и смягченный, но все-таки упрек (вынужденный?) в «асоциальности» творчества Пришвина:

«Смысл подлинной культуры, по П., в возвращении вооруженного многовековым научным опытом человека к радостной близости с природой, близости, утраченной в период ущербной капиталистической “цивилизации” и необходимой для “творчества новой, лучшей жизни на земле”. В то же время П. не свободен от пережитков индивидуалистического мироощущения, сказывающихся в недооценке значения и силы коллектива, нередко во внесоциальной трактовке человеческой личности».¹⁸

В своем мемуарном очерке Пришвин косвенно пытается оправдать свое «внесоциальное» и «внеклассовое» творчество. Ведь именно сам Пришвин предпочитал писать о «букашках» и «зве-

¹⁶ Пришвин и сам пытался определить свое отношение и к Ремизову, и к писателям-символистам, к которым примыкал в 1900-е годы. 21 июня 1921 г. он записывает в дневнике: «Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (Вяч. Иванов, Ремизов). Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними, потому что натуралисты-народники были мне еще дальше» (Пришвин М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 136).

¹⁷ Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 175. См. также запись в дневнике Пришвина (27 октября 1930 г.): «Мне хотелось идти по дороге так долго, пока хватит сил, и потом свернуть в лес, лечь в овраг и постепенно умереть. Мысль эта явилась мне сама собой... она последнее время живет со мной, и с удивлением вычитал я на днях у Ницше, что это — «русский фатализм». Правда, это не совсем самоубийство: я не прекращаю жизнь свою, а только не поддерживаю, потому что устал» (Пришвин М. Дневники. 1930 — 1931. М.: Росток, 2006. С. 235—236).

¹⁸ Тагер Е. Пришвин // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1935. Т. 9. Стб. 265; курсив мой. — С. Д.

рушках»,¹⁹ а не о революции и «строительстве коммунизма», как то требовалось от советского писателя. Вопрос о «букашках» и «зверушках», заданный когда-то Ремизову, адресовался теперь и самому Пришвину. 1 ноября 1930 г. Пришвин делает запись в дневнике: «“Вы все с мелкотой возитесь?”» — спросил меня Н из Госторга». ²⁰ Очевиден звучащий в вопросе упрек писателю. Поэтому Пришвину и понадобилось вспомнить встречу писателя Ремизова и революционера Каляева, а тем самым — объяснить читателям и критикам, что писать о «букашках» и «зверушках» — это не значит быть «дезертиром» и противником революции. Факт дружбы писателя (Ремизова) со знаменитым революционером (Каляевым) отчасти реабилитировал самого писателя.²¹ Л. Семенов же в качестве знаковой фигуры революционера явно не годился: имя Л. Семенова практически ничего не говорило советскому человеку, никакого особенного героического революци-

¹⁹ Например, в письме Ремизову от 12 апреля 1910 г. Пришвин обсуждает свой рассказ «У горелого пня» (1910): «Вышла беда с лягушкой-турлушкой: с детства думал, что турлушка есть лягушка, а вот оказалось, что это не лягушка, а *медведка* <выделено М. Пришвиным. — С. Д.> (насекомое, мохнатое, длиной в половину этой строки). Турлушка-то есть турлушка, но не лягушка, а вот эта, живущая в земляных норах козявка» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Е. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 175). См. запись в дневнике Пришвина (от 11 сентября 1918 г.) «Однажды Ремизов сказал: — Вот бы настоящим критикам разобрать интересный вопрос, почему Пришвин не хочет описывать людей, а все коров, собак и всякую всячину» (Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 92). В 1938 г. Ремизов в очерке «М. М. Пришвин» даст краткую характеристику творчества писателя (и одновременно даст ответ на свой же вопрос): «А то, что назовут пришвинским — это его мир зверей: его олени, гуси, собаки, перепела, ежик, — тут Пришвин продолжает Решетникова <...>, открывшего человекообразных, Пилу и Сысойку, стоящих на грани «безгрешных» зверей. Решетников подслушал слово в бессловесном человеке, а Пришвин расслышал голос немого зверя» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2003. С. 300 <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2404>).

²⁰ Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 177.

²¹ См. об отношении революционеров к писателям в дневниковой записи Пришвина от 29 апреля 1929 г.: «Все революционеры, начиная от декабристов, смотрели сквозь пальцы на художников: поэты и художники, начиная с Пушкина, были вольноотпущенникам революции» (Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 160).

онного прошлого у него не было, (да и «толстовство» Семенова — было явно не ко времени).

Другое дело — имя и образ революционера Ивана Каляева. До 1903 г. Каляев примыкал к эсдекам, был в 1898 г. членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1902 г. он примкнул к эсерам (в частности, сблизился с будущим террористом Б. Савинковым и стал членом БО партии эсеров). После революции образ Каляева был канонизирован как образ героя-революционера, борца с кровавым царским режимом (положительное социал-демократическое прошлое Каляева перевесило отрицательное его эсэровское прошлое, в том числе — дружбу с врагом Советской власти Б. Савинковым). С 1924 г. (и вплоть до 1992 г.) в Москве именем Каляева была названа Долгоруковская ул., а в Ленинграде — Захарьевская ул. (1923—1991).²² 7 ноября 1918 г. в Москве у входа в Александровский сад был установлен памятник Каляеву (скульптор Б. В. Лавров). Правда, просуществовал он недолго.

Поэтому нельзя исключать (хотя нет и бесспорных тому доказательств), что М. Пришвин в 1933 г. намеренно заменил в своем мемуаре революционера Л. Семенова — на революционера И. Каляева.

В качестве своеобразной защиты от нападок рапповской критики Пришвин прибегает также и к авторитету имени А. Блока, когда в «Моем очерке» пишет: «Возьмем сочиненный Пришвиным очерк «Колобок», по общему признанию, настолько насыщенный поэзией Севера, что не всякий и назовет-то его просто очерком. Но вот, помнится, настоящий поэт Александр Блок, прочитав эту книгу, сказал: “Это, конечно, поэзия, но и еще что-то”. Так и сказал знаменитый поэт о книге начинающего автора <...>».²³

²² Кроме того, именем Каляева были названы улицы во многих других городах СССР: Калининe, Днепрoпетровскe, Воронежe, Пензе, Краснодарe, Волгоградe, Саратовe, Павловском Посадe, Пермь, Новочеркасскe, Рязань, Челябинскe, Свердловскe, Калуге, Туле, Владивостокe, Харьковe (переулок), Кировоградe, Рославле (Смоленская обл.), Рыбинскe, Красноуральскe, Ногинскe, Чугуеве, Шахтах, Серове, Тарусе, Вичуге.

²³ Пришвин М. Мой очерк: (Биографический анализ) // Советские писатели: Автобиографии: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. II. С. 252.

Ссылка на комплиментарный отзыв А. Блока не только призвана защитить репутацию Пришвина как писателя от нападков рапповской критики. Одновременно Пришвин отдает должное тем писателям, которые были значимы для него еще в дореволюционный период творчества. Ремизов в их числе занимал особое место, ибо стал для Пришвина учителем в литературе, многое сделавшим для его становления как писателя. Знаменательно признание Пришвина в письме Ремизову от 6 октября 1913 г.: «<...> Хороший мой Алексей Михайлович, первый и единственный (да еще Разумн<ик> Васил<ьевич>), кто встретил меня в литературе душой».²⁴ Эта оценка роли Ремизова в писательской биографии Пришвина будет встречаться в его дневнике и позднее. 6 мая 1926 г. Пришвин записывает: «Но Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил».²⁵ Через 10 лет, 15 января 1936 г., он вновь вспомнит: «Ремизов и я: через Ремизова я поверил в себя. Ремизов — материал в книгах, мои — в народе».²⁶ Так что Ремизов имел все основания писать в очерке «М. М. Пришвин»: «Я счастлив, что встретился с вами <...> и на мою долю выпала честь направить вашу руку в трудной работе над словом».²⁷

В основу «Моего очерка» Пришвина легла речь, произнесенная им на юбилейном вечере в ЦДЛ по случаю 60-летия писателя, который состоялся в феврале 1933 г. На этом вечере восторженную речь произнес А. Белый, а еще ранее, осенью 1932 г., Пришвин был приглашен М. Горьким на Пленум Организационного бюро по подготовке Первого съезда советских писателей. Тем самым был заключен своеобразный «мирный договор» между литературным советским начальством и писателем-попутчиком Пришвиным. Как верно заметил А. Варламов:

«“Мой очерк” — произведение неожиданное, уникальное по приему. Оно написано Пришвиным о самом себе в третьем лице в весьма комплиментарной и настолько серьезной, назидательной манере, так веско, что даже трудно заподозрить игру, хотя, конечно же, это одно из самых игровых произведений русской литературы 30-х годов — странная пародия на несуществую-

²⁴ Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 193.

²⁵ Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 133.

²⁶ Пришвин М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 168.

²⁷ Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. С. 300.

щий жанр апологетической критики малосоветского (как бывают малосольные огурцы) писателя, ответ хулителям и чистильщикам из тридцатого года и — как сверхзадача — увод всего написанного из-под огня недружественной критики путем объявления собственного наследия очерками».²⁸ Поэтому в этот краткий период «оттепели» Пришвин и смог позволить себе упомянуть публично писателя Ремизова и даже привести его в качестве примера. В дальнейшем публичное упоминание имени писателя-эмигранта Ремизова (даже в качестве друга знаменитого революционера И. Каляева) становилось крайне нежелательным.

Вот что сообщала о Ремизове советская «Литературная энциклопедия» в 1935 г.:

*«Подготавливаемая пролетариатом революция ненавистна Ремизову, и его произведения полны клеветы и злобы по адресу революционеров, социал-демократов. Революционеры, политические ссыльные у Ремизова — обманщики, интриганы, нелепые фантазеры, нищие духом фанатики (“Пруд”, “Петушок”, “Покровенная”, “Новый год” и др.). В революционерах октябрьских дней Р. увидел “человекоборцев безбожных, на земле мечтающих создать рай земной”. В “Слове о гибели Земли Русской” Ремизов до конца раскрыл свою реакционную сущность, при виде победоносной революции пожелал “неволи вместо свободы”, воспел хвалу Руси, которая жила “на трех китах”. В символистском движении, объединившем различные реакционные социальные группы, Ремизов представлял те слои патриархального торгового капитала, которые не умели “европеизироваться”, перестроиться применительно к условиям стремительного развития промышленного и финансового капитала и которые, деградируя, опускались в ряды мелкой буржуазии».*²⁹

А в самом начале энциклопедической статьи уже была дана однозначная политическая характеристика Ремизова, равносильная приговору: «С 1921 — белоэмигрант».³⁰ Репутация Ремизова как «белоэмигранта» и «реакционера» делала рискованным само упоминание Пришвиным имени Ремизова. Но в начале 1933 г.

²⁸ Варламов А. Пришвин, или Гений жизни: Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 2. <http://magazines.russ.ru/october/2002/2/var.html>

²⁹ Михайловский Б. Ремизов // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1935. Т. 9. Стб. 608 (курсив мой. — С. Д.).

³⁰ Там же. Стб. 606.

упоминать имя Ремизова в советской печати было еще возможно.³¹

В заключение вернемся к воспоминаниям Эренбурга. И. Эренбург, воспроизводящий в своих мемуарах версию Пришвина, вполне мог знать о ее ошибочности. Однако во время написания и публикации мемуарной книги «Люди, годы, жизнь»³² (в 1960—1965 гг.) Эренбург оказался в ситуации, отчасти сходной с той, в которой оказался и Пришвин в 1933 г. Ведь «Люди, годы, жизнь» — это мемуарная книга, которая во многом воскрешает имена и события, вычеркнутые из истории русской литературы по идеологическим причинам. Мемуарный очерк Эренбурга о Ремизове — по сути дела первый мемуарный очерк о писателе, опубликованный в СССР после почти 30 лет забвения. Поэтому Эренбург, несмотря на хрущевскую «оттепель», вынужден считаться и с советской цензурой, и с советской инерцией неприятия многих имен, фактов, оценок. Отсюда — некоторая осторожность мемуариста: «реабилитируя» «белоземigrанта» Ремизова в глазах советских читателей, он предпочитает сохранить версию Пришвина (уже как бы разрешенную самим фактом ее публикации в советской печати³³), в которой Ремизов назван другом канонизированного советской властью революционера И. Каляева, а не такого сомнительного (с точки зрения советской цензуры) персонажа как Л. Семенов.

³¹ В частности, в 1934 г. вышла мемуарная книга Андрея Белого «Между двух революций», в которой несколько раз упоминался и писатель А. Ремизов.

³² Свои мемуары Эренбург начал писать в 1958 г., частично они были опубликованы в 1960—1965 гг. в журнале «Новый мир». Полный текст всех семи книг «Люди, годы, жизнь» был напечатан только в 1990 г.

³³ «Мой очерк» Пришвина дважды издавался в 50-е годы: *Пришвин М.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. IV; *Пришвин М.* Мой очерк: (Биографический анализ) // Советские писатели: Автобиографии: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. II. С. 252—256.